

«Русская мысль»

ЛИТЕРАТУРА, МЕМУАРЫ

«В дни созидаемого ада...»

Из публицистики Федора Сологуба 1918 года

Публицистика русских писателей первого пореволюционного года — за исключением, разумеется, откровенно «пробольшевистской» — все еще остается «белым пятном» в истории русской литературы. Автору этих строк уже случалось представлять на страницах «Русской мысли» неизвестные тексты А.Куприна и И.Бабеля (№№4106, 4113). Сегодняшняя публикация знакомит с тремя статьями Федора Сологуба, ни разу с 1918 года не переиздававшимися.

Оппозиционность Сологуба новому режиму хорошо известна. Но определялась она причинами не только внешними. Один из лучших знатоков творчества Федора Сологуба Маргарита Павлова писала о пореволюционной позиции Сологуба: «Глубокий скепсис писателя по отношению к Октябрьским событиям был во многом предопределен исходом первой русской революции, и главным образом, его собственным мировоззрением. (...) Пути свободы мысли слились потом не в социальных преобразованиях, а только в творчестве, преобразующем мир и создающим миры новые. (...) Чем значительнее была дистанция между раем, созидаемым воображением на таинственной Ойле, и жизнью, предложенной взамен оной, тем злее, непримиримее становилась поэзия Сологуба, соответственно идеологически окрашенная».

«Предложенная» новым режимом «жизнь» эту «дистанцию» увеличила, пожалуй, как никогда. Сам поэт в одном из стихотворений назвал пореволюционное время «созидаемым адом» («Воскреснем!»). В 1917-1918 гг. он вновь — как и в ранние 1880-е годы, или в 1905-м, или в 1914 году — обращается к «прямому творению» назвал пореволюционное время «созидаемым адом» («Воскреснем!»). В 1917-1918 гг. он вновь — как и в ранние 1880-е годы, или в 1905-м, или в 1914 году — обращается к «прямому творению» назвал пореволюционное время «созидаемым адом» («Воскреснем!»).

зверю / Моя Россия отдана, / Покрова сон развезется, — я верю / И не смущен я бредом сна» и т.п.).

Автором этих строк учтено 57 одних только газетных публикаций Федора Сологуба с декабря 1917-го по июль 1918 года. Писатель участвует в одной из «Газетных протестов», посвященной преследованиям печати, откликается на заключение Брестского мира, убийство Шингарева и Кокошкина, пишет о свержении с пьедесталов скульптур царственных особ, начинающемся «исходе» русских писателей за границу (в частности, отдельный очерк он посвятил Игорю Северянину, приведя его рассуждения о дешевизне картофеля в Эстонии и пр.); интересны и его зарисовки изменившихся бытовых условий жизни... Несомненно, тексты Сологуба этого времени еще предстоит осознать как некое единство, еще предстоит выявить в них и отголоски, и полемичку с лево-социалистическими настроениями 1880-х гг., рассмотреть их в контексте общих историософских взглядов писателя.

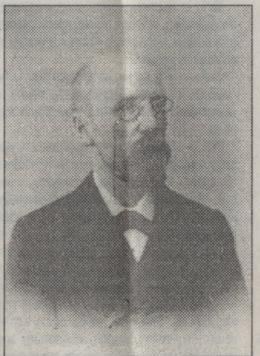
Предлагаясь вниманию читателя «РМ» статьи были напечатаны в газетах «Петроградский голос» (первая — в номере от 6 января, третья — в номере от 21 февраля) и «Фонарь» (вторая статья в номере от 15 января). Текст статьи «Крещение грязью» приводится в сокращении (опущен абзац, связанный с конкретными внешнеполитическими акциями советского правительства).

Необходимо указать, что статья «Спасибо» написана в связи с юбилеем знаменитого народнического журнала «Русское богатство», который широко отмечался общественностью (см. о нем специально: Юбилей «Русского богатства» в 1918 году / Публикация К.Шмидта // Минувшее. [Вып.] 1. Paris, 1986).

АЛЕКСАНДР ГАЛУШКИН

Крещение грязью

Давно уже русская жизнь явственно клонилась к пародиям, к издевательству. Может быть, в самом складе русского ума лежит эта наклонность к осмеянию, к развенчанию, к низведению всего высокого на низменную плоскость. Уж очень насмешлив русский человек и для красного слова не пожалует ни матери, ни отца. Издевательские слова, озорные действия — все это отлично уживается в

Федор Сологуб. 1907.

русской душе с самыми чистыми душевными движениями. А в последнее время озорство и издевательство как будто входит в систему. И началось все до революции, до войны. Массовое хулиганство всех оттенков не первый год деятельно процветает на Руси.

Как будто приставлен к нам какой-то лукавый бес, который старается опоганить все чистое и святое. Вот дана была нам радость восстания против неправедной власти. Словно чудо преображения свершилось в жизни нашей, и торжественные дни шли, как непрерывная всенародная литургия. Но где теперь те высокие настроения?

Мы поторопились назвать нашу революцию великой и сравнивали ее с великою французскою революциею. Но вот видим, что величия в днях наших мало, и революция наша является только обез-

яною великой французской революции. Россия наша гибнет жалко и бесславно, и вокруг нас — «гарь и гик обезьяний», по скорбному слову Ремизова. Та, подлинно великая, вся была воодушевлена любовью ко Франции, к отечеству, и революционер чувствовал себя прежде всего — патриотом. Ну, а у нас, конечно, все наоборот. И потому, чем дальше идут дни, тем все смутнее и тошнее на душе, и ничто не радует сердца.

Обманутые или обманувшиеся люди хотят сделать что-то такое хорошее, чего еще и свет не видел. Доверчиво идут за теми, кто обещает им показать дорогу прямо в социальный рай. Идут, и разбрызгивают вокруг себя грязью, тяжелую грязь. И скоро с ужасом увидят, что обманули, что обманулись — и вожди, и толпа, идущая за ними, одинаково горько разочаруются. Высокие ценности, о которых они мечтали, обратятся у них в руках в сор, в грязь. Точно стоит над нами кто-то злой, смеется и обменяет золото на мусор, ароматы на зловоние.

И безрадостно провели мы праздники. Рождество Спасителя нашего славили с прискорбием в душе, и не было на земле мира и в людях благоволения, и только злое рождалось среди нас, и Новый год не обещал нам новой радости. И вот приходит Крещение Господне. И мы, Христом испуленные, крещаемся ли мы с Христом?

Нет, злорадный бес стоит перед нами, заслоняет от нас святое, и издевается над нами. Кощунственно подменяет святыне слова.

Сказал некогда Христос: — Иоанн крестил вас водою, я крещу вас Духом.

Но где же у нас духовное начало, где идеалы свободы, равенства, братства? Люди думают о выгодах, о классовом интересе, о разделении, о вражде. Стараясь урвать каждый для себя все, что можно, не разбираясь в средствах.

Онем и кровью было то крещение, которое несла Европа, восставшая против деспотизма Франции. Гнусный бес, овладевший нами, неистово хохочет, и мажет нас грязью, и кричит, издеваясь: — Грязь моя тепленькая, грязи моей на всех хватит, плюньте на все высокое, лезьте в мою грязь, — она целебная. Все буржуазные пороки она как рукой снимет.

И все глубже, зловоннее грязь, в которую мы бредем. (...) Несчастная Россия, грязью измазанная, куда ты идешь?

Не призрак ли?

— Погибает Россия! — говорит и жалуется один.

— Да, той России, которая была, больше не будет, — радостно отвечает другой, — будет новая.

А может быть, ни жаловаться, ни радоваться не стоит? Да и существовала ли Россия?

Была держава Российская, были у этой державы правительство, народ, территория, армия, все признаки государственности. Но сама Россия, где она, что она была и что она есть?

Вот так кошмарно в нашем бытии государство, что часто хочется усилить волю выйти из этого кошмарного оцепенения, посмотреть на себя самих как бы со стороны, разобраться, что же это такое, многоликое и нелепое, к чему мы так больно привыкли, что мы ненавидели, поносили, изредка любили, что бьетесь теперь в тяжелых содроганиях. Что это? Государство?

Государство имеет территорию и границы. Необходимо, чтобы в этом чувствовалась прочность, напряжение могущества, достаточно непроницаемости и сопротивления. Как ни податлива, например, дряная капля, в ее поверхности есть напряжение сдерживающей пленки, и, падая даже, она падает все-таки целой каплей, а не расплывчатой мразью. Границы территории, это — ближний, тесный предел народной силы: захватила, что могла, и легко держит, всегда готовая дать отпор чужому давлению. Поставила рубежи по своей воле и всегда готова продвигнуться дальше по мере своего возрастания.

Ничего не связывало, кроме развевающегося дымом призрака, — призрак былой государственной силы. Говорят про нее: — Была. А чувствуют, быть может, и полусознательно: — Не была, только казалась бывшею. Что же такое мы? И что такое Россия?

Кажется, на первый взгляд, что так было и в России. Но всмотритесь пристально в историю России. Россия расширялась не потому, что возматала ее внутренняя сила, а потому, что ослабевал сосед. Пришли татары, и прошли ее всю, как пустую, до болот новгородских и до живой стены латников германских. Владели, пока могли, потом разделились, перессорились, ослабели, почти механически втянули в занятые ими просторы бесполое метавещество, оготелую удаль ушкунчиков. Тоже самое повторялось потом с Польшей, со Швецией, с Турцией, с Кавказом, со Средней Азией.

Рыхлое, дебиловое тело России вливалось, как опара в пустые места, которые образовались от ссыхания и убыли чужой силы. Вливалось туда, где было пусто, и расточительно тратило там сонные силы своего чисто русского нутра. Рязанский мужик бесполое разорялся, в то время как богатели Польша, Финляндия, Прибалтийский край. Не от силы нашей держали мы наши окраины, хотя и силой держали их, — силой, отнятой от центра, и нелепо рассыпанной по наружности. И брали мы не столько то, что хотели взять, что нам надо было взять, сколько то, что нам давали. Мы поделили зачем-то с немцами Польшу, а Тюрн отдали пруссакам только потому, что в 1815 году прусский король догадался сказать: — Эта крепость нам нужна.

Мы нахватили множество ненужных земель, вроде болот ингерманландских (Карл XII наделал ошибок, а Швеция ослабела), но не сумели взять ни русской части Галиции, нужной для объединения русских племен, ни Царьграда с проливами, нужными нам для процветания нашего юга и для осуществления прочного мира на Балканском полуострове.

В результате всех этих случайностей и ненужностей мы имели рыхлую территорию и нелепую границу, а строго говоря, не имели ни того, ни другого. Жили мы, как ленивый владелец, который радуется тому, что его земля ограждена чужими заборами.

Государство, кроме территории, определяется народом. Народ скреплен любовью к отечеству, патриотизмом. Поговорите о Германии с немцем, хотя бы давно натурализовавшимся в иной стране, поговорите о Франции с французом, об Англии с англичанином, — и вы поймете без долгих пояснений, что такое народ, достойный своего государства, и государство, достойное своего народа.

Начало см. стр. 11

О России же с русскими лучше не говорить. Как нечто реальное, ценное и значительное, Россия представляется только иностранцу. Россия как государство только потому, кажется, и существовала, что она была нужна кому-то за ее пределы. В ней же самой самое имя России для многих было пустым звуком, ничего не говорящим ни уму, ни сердцу. Лучшие из русских больше думали о человечестве вообще, чем о своем народе, как будто человечество может существовать без народов.

Да, может быть, так отчасти и есть, или так было, что без Франции, без Англии, без Германии нет человечества, а без России оно прекрасно обходится.

Ни территории, ни народа! Ни границ, ни патриотизма! Что за странное государство! Что же в нем еще есть? Верховная, единая для всего государства власть?

Была да вся вышла. И пока не видно никакой надежды на ее восстановление в каком бы то ни было виде. Она свалилась так легко, как будто ее и не было совсем. Как будто призраки каких-то бестелесные царили над Россией. Но вот повеял свежий ветер, развеялось злое очарование, исчезли призраки верховной власти, и там, где возносился надменный символ государственной мощи, видно пустое место.

И уже упрямые финны, в душах которых как будто осталось нечто смутное от ворожащего северного шаманства, говорят: — Был император и великий князь, была и связь Финляндии с Россией. Нет великого князя, нет и связи.

И вот, в недалеком расстоянии от нашей столицы, в тех местах, куда петроградцы любили ездить летом на дачу, возникает новое, независимое государство.

Ничего не связывало, кроме развевающегося дымом призрака, — призрак былой государственной силы. Говорят про нее: — Была. А чувствуют, быть может, и полусознательно: — Не была, только казалась бывшею. Что же такое мы? И что такое Россия?

Ничего не связывало, кроме развевающегося дымом призрака, — призрак былой государственной силы. Говорят про нее: — Была. А чувствуют, быть может, и полусознательно: — Не была, только казалась бывшею. Что же такое мы? И что такое Россия?

Ничего не связывало, кроме развевающегося дымом призрака, — призрак былой государственной силы. Говорят про нее: — Была. А чувствуют, быть может, и полусознательно: — Не была, только казалась бывшею. Что же такое мы? И что такое Россия?

«В дни созидаемого ада...»

Из публицистики Федора Сологуба 1918 года

Держава, не имеющая прочных признаков государственности? Страна, делающая в истории случайную карьеру? Обширная поприще для государственных и социальных экспериментов?

Великая Россия, или в самом деле — ты призрак? И велики в тебе только твои могилы?

Спасибо

Жесток и сурова русская современная действительность, и трудно сказать спасибо русской жизни. Не за что. Но находятся люди непереклонно благодарные и непереклонно благодарные. Конечно, из интеллигентской среды.

Напоминают мне эти люди один, уже не помню где, читанный мною рассказ об умирающем крестьянском мальчике. Почувствовав свою кончину, он поблагодарил родителей за хлеб-соль и уже тогда спокойно умер. До конца благодарный мальчик.

Но идеями интеллигенция, к которой теперь так враждебно относятся некоторые круги, также, кажется, сохраняет признательность к народу, уже не знаю, за что. И со своей стороны надеется дождаться от него благодарности за труды на пользу и на благо народа, труды, всем нам ведомые.

Был я на днях на одном весьма почетном юбилее. Юбилей, заслуженный славным стонанием на славном посту, честной работой, неуклонною верностью высоким идеалам. И люди собрались в высокой степени почтенные, во всех отношениях хорошие, великодушные, честные, истинные представители нашей прекрасной, героической интеллигенции, той, которая все свои силы посвящала всегда на самоотверженное служение народу. И речи произносились такие трогательные и благородные, так далекие от материалистических устремлений наших дней. И молодежь собралась такая милая и светлая.

А в антракте слышались скорбные разговоры. Рассказывали о том, что творится на местах с культурными гнездами

местных деятелей. Почему-то пришлось в короткое время услышать не один рассказ о том, как печатались в усадьбах домашние библиотеки. Делается это должно быть для того, чтобы устроить публичные библиотеки в деревнях. Почему для этой цели пригодились полуторастолетние томики сочинений Вольтера на французском языке или романы г-жи Жанлис на том же диалекте, одному Господу известно. Не говоря уж о том, что великий народ мог бы найти более достойные способы для обогащения себя книгами, но ведь совершенно бесцельно брать для безграмотной деревни то, чем она заведомо пользоваться не может и не будет. Разве только на сигарки.

Ну, а что же владельцы библиотек? Что же делать, покоряются. Ведь не со зла берут мужички. Часто сохраняются при этом наилучшие отношения. У одного такого крупного землевладельца из «бывших» дворян, много поработавшего в земстве и с большой пользою для местного населения, отобрали и землю, и библиотеку, а потом весьма благодушно объявили ему:

— Ты — человек-то уж больно хороший и нам по нраву пришелся. Нечего тебе холостяком ходить. Нашли мы тебе невесту, тут же, из наших деревенских. Вдова, а у нее шестеро ребят. Вот ты на ней и женись для прокормления ребятешек.

Все вытерпел землевладелец, ни в чем не перечил «народу», а вот этого последнего блага почему-то принять не пожелал, — сохранил, по-видимому, буржуазные и индивидуалистические взгляды на выбор подруги жизни, — и сбегал от милых односельчан своих подальше.

Рассказывала мне это остроумная поэтесса, но я не мог поверить тому, что она просто шутит. Нет, нам теперь не до шуток, и никакой, даже и самой талантливой юмористке не угнаться за изумительными причудами русской жизни. Теперь только успевай гнаться за жизнью дивной и каждый миг в ней воскрешать, на каждый звук ее призывный отзывной песней отвечать», по завету поэта.

Но вот кончился антракт, кончились и хорошие речи, началось концертное отделение. Программа, конечно, была составлена весьма идейно. Вышла талантливая и популярная певица и прекрасно исполнила под очень хорошую музыку превосходное стихотворение Некрасова «Сеять знания на ниву народную». И чем очаровательнее звучала музыка, тем трогательнее падали в душу слова поэта, и чем звучнее лился голос милой певицы, тем более сжималось сердце, и уже я со страхом ждал последних слов. Нелепая надежда шевельнулась в душе — может быть, она их не споет. Нет, с беспощадною ясностью прозвучало в приоткрытой внимательно зале:

— Спасибо вам скажет сердечное русский народ!

Словно бичом хлестануло, — вздрогнули, смуглились многие. Из разных мест послышалось ответное:

— Да уж, сказал! Сказал — спасибо.

Эти восклицания потонули в шуме рукоплесканий. Но беспечные юноши и девушки смеялись; осененные седыми кудрями головы поникли.

Сеять знания на ниву народную и все, работающие для народа русско! Никогда еще ваш великодушный труд не был так необходим народу, как в наши зверино-жесткие дни. Продолжайте ваше воистину святое дело, продолжайте его с тем же прекрасным рвением, которое в течение трудных и темных десятилетий стязало русскому народному учителю и земскому деятелю право на высокое уважение и признание.

Вы работали, терпя гнет, гонения и жестокую неблагодарность власти, — не ослабляйте и ныне вашей работы, не угасайте вашего духа, но не ждите ни от кого никакого спасибо. Мы еще не умеем быть благодарными никому, и я не умею предсказать, когда придут те счастливые поколения, которые будут достойны вашего подвига, которые поймут все величие вашего труда, и в сердцах которых, вместе с голосами истинно человеческих чувств и страстей, возникнет и обращенная к вам полновзвучная благодарность.

Предисловие и публикация АЛЕКСАНДРА ГАЛУШКИНА

Москва